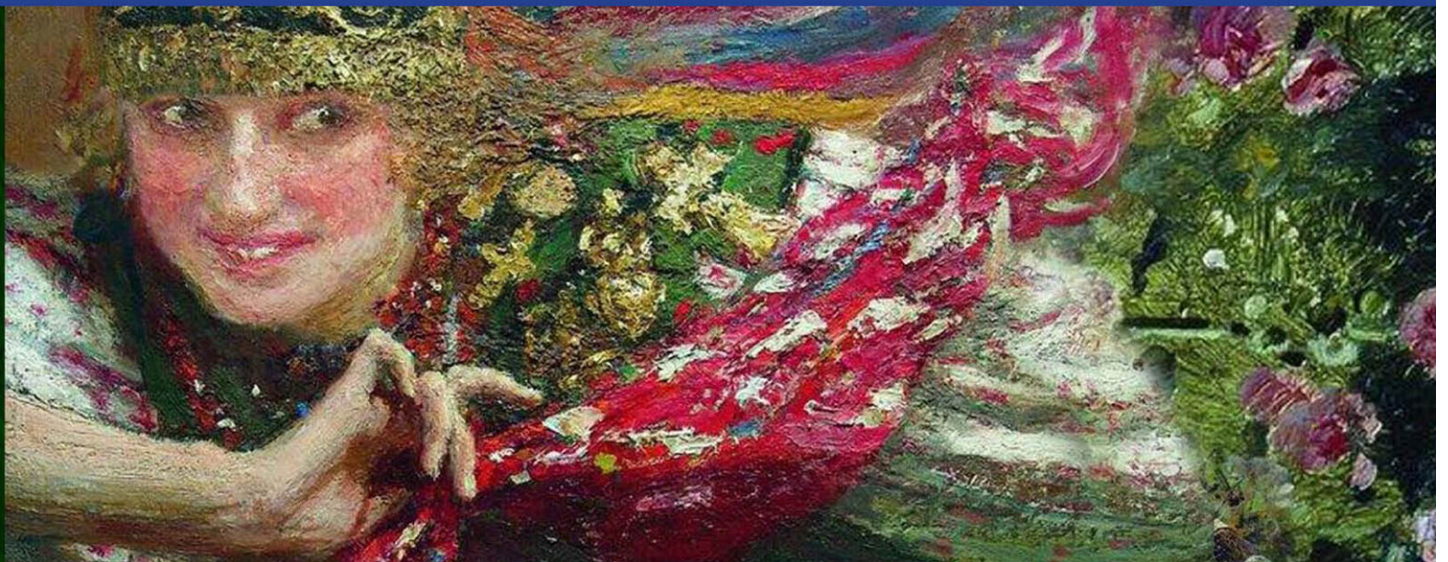

Павел Бажов

Железковы pokrышки

ФТМ

Малахитовая шкатулка. Уральские сказы

Павел Бажов

Железковы покрышки

«ФТМ»

Бажов П. П.

Железковы покрышки / П. П. Бажов — «ФТМ»,
— (Малахитовая шкатулка. Уральские сказы)

«Дело это было вскорости после пятого году. Перед тем как войне с немцами начаться. В те годы у мастеров по каменному делу заминка случилась. Особо у малахитчиков. С материалом, видишь, вовсе туго стало. Гумешевский рудник, где самолучший малахит добывался, в полном забросе стоял, и отвалы там не по одному разу перебраны были. На Тагильском медном, случалось, находили кусочки, да тоже нечасто. Кому надо, охотились за этими кусочками все едино, как за дорогим зверем. В городе по такому случаю заграничную контору держали, чтоб такую редкость скупать. А контора, понятно, не для здешних мастеров старалась. Так и выходило: что найдут, то и уплывет за границу...»

Павел Петрович Бажов

Железковы покрывшки

Объяснение отдельных слов, понятий и выражений, встречающихся в сказах

Дело это было вскорости после пятого году. Перед тем как войне с немцами начаться.

В те годы у мастеров по каменному делу заминка случилась. Особо у малахитчиков. С материалом, видишь, вовсе туго стало. Гумешевский рудник, где самолучший малахит добывался, в полном забросе стоял, и отвалы там не по одному разу перебраны были. На Тагильском медном, случалось, находили кусочки, да тоже нечасто. Кому надо, охотились за этими кусочками все едино, как за дорогим зверем. В городе по такому случаю заграничную контору держали, чтоб такую редкость скупать. А контора, понятно, не для здешних мастеров старалась. Так и выходило: что найдут, то и уплывет за границу.

Ну, может, и то сказалось, что мода на малахит прошла. Это в каменном деле тоже бывает: над каким камнем деды всю жизнь стараются, на тот при внуках никто глядеть не хочет. Только для церквей и разных дворцовских украшений больше орлец да яшму спрашивали, а в лавках по каменным поделкам вовсе дешевой торговали. Так пустой камешок на немецкий лад гнали: было бы пестренько да оправа с высокой пробой. Прямо сказать, доброму мастеру никакой утехи. Кончил поделку, покурил да сплюнул и принимайся за другую. Одно слово, пустяковина, баварский товар. Глядеть тошно, кто в том деле понимает.

Ну, все-таки старики, коих смолоду малахитовым узором ушибло, своего дела не бросали. Исхитрялись как-то: и камешок добывали, и покупателя с понятием находили.

Один такой в нашем заводе жил, Евлахой Железком его звали. Еще слух шел, что этот Евлаха свою потайную ямку с малахитом имел. Правда ли это, сказать не берусь, а только и про такой случай рассказывали.

Вот будто подошел какой-то большой царицын праздник. Не просто именины али родины, а, сказать по-теперешнему, вроде как юбилей. Ну, может, седьмую дочь родила или еще что. Не в этом дело, а только придумали на семейном царском совете сделать царице по этому случаю подарок позанятнее.

У царей, известно, положение было: про всякий чих платок наготовлен. Захотел выпить – один поставщик волокет, закусить придумал – другой поставщик старается. По подарочным делам у них был француз Фабержей. В своем деле понимающий. Большую фабрику по драгоценным и узорным камням содержал, на обе столицы широкую торговлю вел, и мастера у него были первостатейные.

Призывает этого Фабержея царь и говорит: так и так, надо царице к такому-то дню приготовить дорогой подарок, чтоб всем на удивленье. Фабержей, понятно, кланяется да приговаривает: «Будет сготовлено», а сам думает: «Вот так загвоздка!» Он, конечно, до тонкости понимал, кому чем угодить, только тут дело вышло не простое. Брильянтами да изумрудами и другими дорогими камнями царицу не удивишь, коли у ней таких камней полнехонек сундук набит, и камни самого высокого сорту. Тонкой гранью либо узором тоже не проймешь, потому – люди без понятия. И то французу было ведомо, что царица после пятого году камень с краснинкой видеть не могла. То ли ей тут красные флаги мерещились, то ли чем другим память бередило. Ну, может, те картинки вспоминала, какие на тайных листах печатали, как она с царем кровавыми руками по земле шарил. Не знаю это, да и разбирать не к чему, а только с пятого году к царице с красным камнем и не подходи – во всю голову завизжит, все русские слова потеряет и по-немецки заругается. А дальше известно, опросы да допросы, с каким умыслом царице такой камень показывали, какие советчики да пособники были? Тоже кому охота в такое дело вляпаться!

Француз этот Фабержей и маялся, придумывал, чем царицу удивить, и чтоб красненького в подарке и званья не было. Думал-думал, пошел со своими мастерами посоветоваться. Обсказал начистоту и спрашивает:

– Как располагаете?

Мастера, понятно, всяк от своего, по-разному судят, а один старик и говорит:

– На мое понятие, тут больше малахит подходит. Радостный камень и широкой силы: самому вислоносому дураку покажи, и тому весело станет.

Хозяин, конечно, оговорил старика: не к чему, дескать, о вислоносых дураках поминать, коли разговор идет о царском подарке, за это и подтянуть могут, а насчет камня согласился:

– Верно говоришь. Малахит, пожалуй, к такому случаю подойдет.

Другие мастера сомневаются:

– Не найдешь по нынешним временам доброго камня.

Ну, хозяин на деньги обнадежился.

– Коли, говорит, в цене не постоять, так любой камешок достать можно.

На этом и стоворились: будем делать альбом для царской семьи с малахитовыми крышками. И украшения, какие полагаются, тут же придумали.

Сказано – сделано. В тот же день Фабержей своего доверенного в наши края послал и наказ ему дал:

– Денег не жалея. Только бы камень настоящий и спокойного цвету!

Приехал этот Фабержеев доверенный и давай искать. Первым делом, конечно, на Гумешки. Тамошние камнерезы наотрез отказали – нету доброго камня. В Тагил сунулся – есть кусочки, да не того сорту. В заграничной конторе через подставного человека наведалься. Только разве там продадут, коли сами крохами собирали. Совсем приуныл доверенный, да спасибо, один горщик надоумил:

– Поезжай-ко ты к Евлахе Железку. У этого бесприменно камень имеется. Недавно он на руки одному такую поделочку сдал, што все здешние купцы по каменному делу да и в заграничной конторе неделю кулаками махали, ногами топали да грозились:

– После этого пусть Евлаха со своей поделкой и на глаза не показывается. За пятак не примем!

А Евлаха посмеивается да ответный поклончик послал:

– Рад стараться с жульем не вязаться. Теперь еще, поди-ко, не забыл, как таким кланяться доводилось. Больше этого не будет. Кому надо, пускай сам ко мне за камешком волокется, а я еще погляжу – кому удружить, кому оглобли заворотить. А самолично вашему брату и беспокоиться не след. Я хоть остарел, а еще так могу по загривку дать, что который и с каменной десятипудовой совестью, а легкой пташкой за ворота вылетит.

Фабержеев доверенный, как услышал это, забеспокоился, спрашивает:

– Видно, этот Евлаха в деньгах не нуждается? Богатый сильно?

– Нет, – отвечают, – богатства особого не видно, а просто уважает человек свое мастерство. Дороже денег его ставит. Коли не захочет, рублем не сманишь, а коли интерес поимеет, так недорого сделает. И поделка будет хоть на выставку, а то и в царский дворец поставь. Нигде себя не уронит.

Доверенному полегче стало. «Есть, – думает, – чем Евлахе сманить. Скажу, что для царского дворца камни требуются». И не ошибся в расчете. Евлаха, как узнал, для чего камни, без слова согласился, спросил только:

– Какой величины камни и какой узор надо?

Доверенный объяснил, что крышки по дольнику должны быть не меньше двух четвертей, поперек – четверть с малым походом, а камни желательно *со своим* узором. С таким, значит, чтоб на обои ничуть не походило.

Евлаха говорит:

– Ладно. Найдется такой камень. Приезжай через неделю.

И цену назначил – по две сотни за штуку. Доверенный, понятно, и рядиться не стал. Хотел еще поразговаривать, да Евлаха на это не больно охочий был, сразу обрезал:

– Сказал – приезжай через неделю, тогда и разговор будет, а то о чем нам у пустого места судить.

Приехал доверенный через неделю – готовы крышки, и не две, а четыре штуки. Все, понимаешь, как внешняя трава под солнышком, когда ветерком ее колышет. Так волны по зелени то и ходят. И у каждой крышки свой узор. Ни один завиток-плетешок полной сродственности не имеет, а все-таки подобрано так, что и бестолковому понятно, какие крышки парой приходятся. Одним словом, мастерство.

Разложил Евлаха свою поделку.

– Выбирай любую пару!

Фабержеев доверенный, конечно, знал толк в камне. Оглядел крышки, не нашел никакого изъяну, полюбовался узором и говорит:

– Покупаю все.

– Что ж, – отвечает, – бери, коли надо. Плати деньги.

Доверенный поскорее рассчитался по уговору – и домой. Мастера Фабержеевы похвалили покупку, только тот старик, который посоветовал насчет малахиту, посомневался маленько.

– Вроде, – говорит, – деланный камень, а не натурный. Ну, руками делан.

Другие мастера засмеялись – выдумывает старик, хочет себя выше всех поставить, а хозяин прямо объявил:

– Ежели и деланный, так не хуже настоящего, а это в мастерстве еще дороже.

Ну вот, изготовили альбом на удивление. Царь, как узнал, что другая пара крышек есть, настрого запретил до его приказу эти крышки в дело пускать. Так они и лежали у Фабержея в запасе и долежали до того году, как самое высокое французское начальство к царю в гости приехало. И приехал с этим начальством мастер, который по бриллиантовой плавке отличался. Петергофским мастерам по гранильному и камнерезному делу да и Фабержеевым тоже охота была этого приезжего кое о чем поспросить. Вот они ходили за ним, все едино, как женихи за невестой, угодить старались. Кто-то придумал показать каменные поделки в царском дворце. Разрешили им. И вот в числе тех поделок увидел приезжий мастер Евлахины крышки. Подивился красоте камня, вздохнул, да и говорит в том смысле:

– Ловко, дескать, вашим-то! Режь камень без всякой выдумки, и вон какое диво само выходит.

Наши мастера объясняют, что дело не столь просто, потому – камень из кусочков складывают.

– Про это, – отвечает, – знаю. Дело, конечно, мешкотное, а все-таки хитрости тут нет, коли под рукой любого узору камешок имеется.

Один мастер на это возьми и скажи:

– У нас на фабрике насчет этих крышек еще спор был: из природного они камня али из сделанного.

Французского мастера такими словами будто подстегнуло; всю степенность потерял, забежал, засуетился, спрашивает: кто так говорил? почему? какие приметки сказывал? чем дело решилось? А пуще того добивался, где тот мастер живет, который крышки делал. Дивился, понятно, что никто об этом толком сказать не умеет. Одно говорят – доверенный привез с какого-то заводу. Сказывал, что мастер мужик с пружинкой: не по месту заденешь, так и по лбу стукнуть может, а как прозвание мастеру – не говорил. Надо, дескать, у этого доверенного и спросить, только он в отлучке по хозяйским делам.

На другой день приезжий мастер прибежал к Фабержею на фабрику и давай опять про крышки спрашивать. Старый малахитчик не потаился, сказал, в чем сумленье поимел. Другие мастера опять заспорили, всяк свое доказать желает. Тут сам Фабержей прибежал, послушал, пострекотал с приезжим по-своему, по-французскому, и велел принести запасные крышки.

– Чем, – говорит, – попусту время терять, давай-ко отпилим у крышек правые уголышки, которые на волю, да опробуем их как следует. Крышкам от того изъяну не будет, потому как можно на тех местах закругленье дать либо их украшеньем прикрыть, зато в точности узнаем, какой это камень: природный али сделанный?

Живо опилили уголышки и давай пробовать на кислоту, на размол, по весу. Одним словом, всяко старались, а до дела не дошли. На то вышло, что состав малахитовый, а полностью сходства нет. К тому все-таки склонились – не зря старик малахитчик сомневался: что-то не так.

Французский мастер в этом деле больше всех старался и книжки какие-то притащил, по ним глядел. А как вышло это решенье, что камень сделанный, сейчас в контору побежал. Там, дескать, бесприменно фамилия мастера должна быть. В конторе, верно, расписка оказалась: получено-де за четыре малахитовые доски такой-то меры две тысячи рублей и крючок вроде подписи поставлен, даром что Евлаха грамоте не разумел, а ниже писарь подписался и волостною печатью шлепнуто. Доверенный, известно, по правилу воровал: Евлахе заплатил восемь сотен, писарю сунул одну либо две, остаток себе в карман.

Послали этому доверенному телеграмму, чтоб полное имя и местожительство мастера дал, который крышки на царский альбом делал. Доверенный, видно, испугался, не открылось ли мошенство, – не отвечает. Другую телеграмму послали, третью – все молчит. Тогда хозяин сам ему строгое письмо написал, дескать, что это такое? Как ты смеешь меня перед приезжим гостем конфузить? Тогда уж доверенный отписал – завод такой-то, мастера там все знают, а как его полное имя – не упомянет, заводские больше зовут его Евлахой.

Как получили это письмо, француз живенько собрался – и на поезд. Из городу приказал на тройке, остановился на ямской квартире и первым делом спрашивает, где мастер по малахиту живет. Ему сразу сказали – в Пеньковке, пятые или там девятые ворота от большого заулка направо.

На другой день этот приезжий пошел, куда ему сказывали. Одежа, конечно, французского покрою, ботинки желтые, перчатки по летнему времени зеленые, на голове шляпа ведерком, а вся белая, только лента по ней черного атласу. В нашем заводе отродясь такой не видали. Ребята, понятно, сбежались, дивятся на этого барина в белой шляпе.

Вот дошел француз до Пеньковки. Видит – улица не на тех, где добрые дома стоят. Посомневался, спрашивает.

– Где мастер живет, который по малахиту работает?

Ребята рады стараться, наперебой кричат, пальцами показывают – вон-де в той избе дедушко Евлампий проживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.